

УДК 398.1
ББК 82.3

СЮЖЕТ АТУ/СУС 931
(«ЭДИП»/«КРОВОСМЕСИТЕЛЬ»)
В УСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РОССИЙСКО-
КИТАЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

© 2020 г. В.Л. Кляус

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 01 февраля 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-308-327>

Аннотация: В статье рассматриваются самая ранняя и самые поздние по времени фиксации бытования сюжета об отцеубийце и кровосмесителе (АТУ/СУС 931) в восточнославянской фольклорной традиции. Ранняя и поздние записи устных повествований на данный сюжет были сделаны среди русского населения Забайкалья, исторически к которому относятся и китайские русские, проживающие на приграничной с Россией территории городского округа Эргуна Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Первое свидетельство перехода в устное бытование сюжета древнерусской «Повести об Андрее Критском» мы находим в литературных материалах Кюхельбекера, отбывавшего в 1830-х гг. ссылку в г. Баргузине. Впоследствии фольклорные тексты на сюжет 931 фиксировались только на Украине, в Белоруссии и в европейской части России. В 2007–2019 гг. автором статьи записано несколько вариантов истории об отцеубийце и кровосмесителе среди китайских русских городского округа Эргуна, следы его бытования обнаружены и в Восточном Забайкалье. Анализ этих текстов позволяет показать произошедшие в устном бытовании трансформации письменного по происхождению сюжета, обусловленные беллетризацией повествования и актуальностью архаичных представлений о предопределенности человеческой судьбы.

Ключевые слова: сюжет АТУ/СУС 931 («Эдип»/«Кровосмеситель»), русский фольклор, забайкальское российско-китайское пограничье, трансформация литературного текста в устном бытовании.

Информация об авторе: Владимир Леонидович Кляус — доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Для цитирования: Кляус В.Л. Сюжет АТУ/СУС 931 («Эдип»/«Кровосмеситель») в устной словесности забайкальского российско-китайского пограничья // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 308–327.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-308-327>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

THE PLOT ATU/SUS 931 (“OEDIPUS” / “INCEST”) IN THE ORAL LITERACY OF THE TRANSBAIKAL RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND

© 2020. V.L. Klyaus

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: February 01, 2020

Date of publication: September 25, 2020

Abstract: The article examines the earliest and latest recordings of the plot about the father-killer and the incest (ATU/SUS 931) in the East Slavic folk tradition. Early and late recordings of oral narratives on this subject were done among the Russian population of Transbaikalia, which historically includes Chinese Russians living in the Hulunbuir of the Autonomous Region of Inner Mongolia, China, bordering with Russia. We encounter the first evidence of the transition of the plot of the old Russian work *The Tale of Andrew of Crete* to oral existence in the papers of Küchelbeker who was in exile in Barguzin in the 1830s. Subsequently, folklore texts on the plot 931 were recorded only in Ukraine, in Belarus, and in the European part of Russia. In 2007–2019, I recorded several versions of the story about the father-killer and incest among Chinese Russians living in Ergun urban district; the traces of its existence were also discovered in East Transbaikalie. The analysis of these texts shows how the oral existence has altered the plot with a written origin; the transformation occurred due to the fictionalization of the narrative and the relevance of archaic ideas about the predetermination of the human fate.

Keywords: plot ATU/SUS 931 (“Oedipus”/“Incest”), Russian folklore, Trans-Baikal Russian-Chinese borderland, transformation of a literary text through oral existence.

Information about the author: Vladimir L. Klyaus, DSc in Philology, Head of the Folklore Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

E-mail: v.klyaus@mail.ru

For citation: Klyaus V.L. The Plot ATU/SUS 931 (“Oedipus” / “Incest”) in the Oral Literacy of the Transbaikal Russian-Chinese Borderland. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 308–327. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-308-327>

Появление у восточных славян известного древнегреческого сюжета об отцеубийце и кровосмесителе имеет свою давнюю и еще до конца не проясненную историю. Не ранее XVI в. анонимным древнерусским автором была написана «Повесть об Андрее Критском». Как в свое время заметил В.Я. Пропп, ее сюжет наиболее полный и близкий к древнегреческому Эдипу [9, с. 260]. Окончательного ответа на вопросы о том, когда и где точно была написана эта повесть, нет. К настоящему времени известно 54 ее списка XVI–XIX вв. [4], анализ которых показывает, что повесть возникла «в результате осложнения сюжетной схемы Сказания Иеронима¹ мотивами Повести о папе Григории и сюжетами о кающемся разбойнике — “Разбойник Мадей” и “Два великих грешника” и была затем приурочена к имени византийского церковного писателя VII–VIII вв. Андрея, архиепископа Критского, под влиянием мотивов его самого известного творения — Великого покаянного канона» [3].

Возникнув в среде православных книжников, «Повесть об Андрее Критском» выражала идею христианского покаяния. Ее герой совершает в течение жизни страшные преступления — изнасилование монахинь, которые вырастили его в монастыре, убийство родного отца, инцест с матерью, убийство священнослужителей... Наиболее ужасные грехи отцеубийства и кровосмешения не умаляются тем, что герой не узнает своих родителей. Но, покаявшись перед Господом после совершения преступлений, он становится святым и возносится на небеса.

¹ «Сказание Иеронима о Иуде-предателе» — анонимное произведение, которое, наряду с «Повестью о папе Григории» и «Повестью об Андрее Критском», входит в группу древнерусских повестей о кровосмесителе.

Тема спасения грешника разрабатывается и в других текстах древнерусской литературы того периода (к примеру в «Повести о Савве Грудцыне»), что говорит о ее актуальности для человека XVI–XVII вв., жившего в эпоху Смуты и социальных потрясений. В целом в данный период наблюдаются значительные изменения в литературе: появляются светские повести о частных лицах, растет индивидуальное начало в авторской позиции, складывается своего рода первоначальный «натурализм», речь героя получает индивидуализацию, расширяется социальная тематика произведений и их сюжеты становятся более разнообразными.

Сохранившееся большое число рукописей древнерусской «Повести об Андрее Критском» указывает на популярность произведения среди читателей XVI–XIX вв., поэтому, скорее всего, устные пересказы появились сразу после ее написания, если, конечно, не предположить, что не связанные с повестью народные рассказы о кровосмесителе существовали и в предполагаемый период ее содания — XV–XVI вв., но данных об этом у нас нет.

Интерес к фольклору как явлению культуры возникает в России лишь в первой половине XIX в., поэтому и записи устных версий повести нам известны только с этого времени. Пока установлено, что самая ранняя фиксация восточнославянской фольклорной «сказки» об отцеубийце и кровосмесителе была сделана в Забайкалье в 1837–1839 гг. Ее рассказывал мещанин г. Баргузина, о котором мы только знаем, что его звали Алексей и что он был «работником» в доме декабриста В.К. Кюхельбекера, отбывавшего ссылку в Забайкалье [2, с. 289]. Конечно, текст рукописи не представляет собой запись «со слов» рассказчика, это литературно обработанный, довольно подробный пересказ услышанного. Кюхельбекер оформил «сказку» как текст в тексте, а именно в письме к издателю вымышленной газеты «Метляк».

В “The Types of International Folktales” Ханса-Йорга Утера сюжет «Эдип» стоит под номером 931. Он описывается следующим образом: “A prophecy (dream) foretells that a certain newborn child will kill his father and marry his mother. In order to avoid this fate, the child (Oedipus) is exposed. The boy is rescued and reared by shepherds (he grows up at a strange king’s court). There he unwittingly kills his father (who was employed as a gardener) whom he did not recognize. Upon the king’s advice he marries the wife of

the dead man and learns later that she is his own mother” [13, p. 570–571]. В «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» сюжет называется «Кровосмеситель» и описывается несколько иначе, так как составители СУС опирались на восточнославянский материал: «При рождении мальчика предсказано, что он убьет отца и женится на матери, его бросают в воду, но предсказание все же сбывается; грех искупается суровым наказанием» [10, с. 238]. Здесь же дается указание на опубликованные тексты, из которых можно заключить, что наибольшую распространенность он имел в украинском фольклоре — 14 записей, в то время как в белорусской и русской традициях учтено всего лишь по три записи. Самая ранняя из указанных относится к 1850–1860 гг. (сборник М. Левченко «Казки та оповідання з Поділля», издан в Киеве в 1928 г.), самая поздняя — к 1920–1930 гг. (сборник «Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова», издан в 1961 г.).

Мы не знаем, была ли известна составителям «Сравнительного указателя сюжетов» запись В.К. Кюхельбекера. Во всяком случае он не был включен в СУС. Ценность «Баргузинской сказки» для нас в том, что она является свидетельством бытования сюжета об отцеубийце и кровосмесителе среди русских Забайкалья уже в начале XIX в. До недавнего времени это была единственная полноценная не только забайкальская запись, но и вообще сибирская.

Повествование «Баргузинский сказки» развивается следующим образом: Старик женился на молодой, и у них родился сын. Отец привел к ребенку старушку-кликушу, чтобы она предрекла его судьбу. Она поет:

Люблю молодца —
 Устукнет отца.
 На матери женится —
 Убьёт двух попов,
 Что не сняли грехов.
 Потом переменится! —²

² Песенная форма предсказания ворожеи, в данном случае старушки-кликуши, встречается только в «Баргузинской сказке». Учитывая, что письмо в газету «Метляк» — это по сути дела литературный текст, в котором Кюхельбекера использовал услышанную им сказку, вероятно, что он сам придал предсказанию такой вид. В фольклорных повествованиях оно краткое, с использованием формулы 'отца убьет, на матери женится'. Здесь же в слова

Ребенка окрестили Иваном. Ночью отец унес его в лес, где оставил на съедение зверям, а всем сказал, что ребенок умер, и закопал пустой гроб. Рядом был монастырь, инокини пошли в лес по ягоды и грибы, одна из них нашла ребенка и принесла в монастырь. Мальчика отдали на воспитание монастырскому пастуху, который его вырастил. Став взрослым, Иван начал заглядываться на монашек, и игуменья отправила его из монастыря, дав денег. Иван пришел в селенье, где жили мать и отец. Там он прогулял все деньги и нанялся в работники к богатому мужику, своему отцу. Нужно было охранять его огород, из которого воровали овощи... [2, с. 287–288].

Следующая страница/страницы «письма» Кюхельбекера в вымышленную газету «Метляк» утрачена, но из драмы «Ижорский», в которой Кюхельбекер использовал сюжет услышанной им «сказки», можно восстановить, как дальше развивались события: Хозяин решает проверить, как работник сторожит, крадется к своему огороду. Работник убивает его. Через некоторое время вдовица выходит замуж за сына-убийцу. Однажды она заметила в бане на груди мужа родимое пятно, которое было у ее сына. Узнав, что муж — это ее сын, она умирает. Герой ищет покаяния. Первый поп, которому он исповедуется о своих грехах, его прокликает, и тот убивает его [7, с. 205–209].

Последний лист/листы рукописи Кюхельбекера с записью «сказки» Алексея сохранились. Сюжет развивается следующим образом.

Иван идет к соборному протопопу, исповедуется, тот также отказывается снимать с него грехи (в «письме» дословно: *От протопопы ответ тот же, что от простого попа деревенского.*), и герой его убивает — застрелил. После этого Иван бежит в соседнее государство, где живет известный отшельник. Герой ему исповедуется. Старец отправляет Ивана в запустелую церковь, в которой живут *лукавые духи*, чтобы там он молился без сна и без пищи. Через год отшельнику было видение — он должен похоронить тело «страстотерпца божия». Иван покаянием спас заброшенную церковь и свою душу, стал святым — *от его тела исходило благоухание несказанное*, и люди начали поклоняться его мощам [2, с. 289].

кликуши фактически вложено не только предсказание последующих преступлений, но также и покаяния, и посмертной судьбе героя: *Потом переменится.*

«Баргузинская сказка», как и многие ранние устные восточнославянские сказки на сюжет АТУ/СУС 931, записанные в XIX в., сохранила главную идею древнерусской повести — герой покаянием искупает свои грехи. По этому поводу Кюхельбекер пишет: «По моему мнению, в ней смысл глубокий, и откровенно признаюсь, я ее ставлю гораздо выше пресловутого мифа об Эдипе, в котором те же ужасы, но вовсе не видно, почему Эдип мог сделаться потом угодником сам небесным» [2, с. 289].

Мои поиски устного бытования сюжета о кровосмесителе в Забайкалье только в 2019 г. увенчались определенным успехом. Одна из пожилых женщин поселка Улятуй Оловянинского района Забайкальского края, где в 2019 г. проходила экспедиция Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, Варвара Петровна Бондаренко, сообщила, что когда-то она слышала «побасёнку» о том, как сын отца убил и на матери женился:

Ну, как вот. Отца обижал, поил всякими этими травами, бил. Уничтожил отца и на матери потом женился. И жил с матерью. А потом от не знаю, сколько он прожил. Я уж там потом не знаю. Вот это бы-, была побасёнка, вот слыхавала рассказывали. Я: «Ой, да-ты как же с матерью-то ложися спать-то, ты чё уж сдурел?» Была побасёнка у нас така. Конечно, не у нас в деревне, а где-то в какой-то другой деревне или в городе. В общем на самом деле была так, побасёнка така. Или в деревне, ли в городе, или где, но была.

На уточняющий вопрос о том, специально сын убил отца или случайно, рассказчица ответила: *А вот тоже ни, ни скажу вам правильно-то. По-мойму, так говорили случайно* (В.П. Бондаренко, 1935 г.р. Запись В. Кляуса, УНЦСА РГГУ, 2019) [1].

Перед нами, конечно, сильно разрушенный сюжет. Исполнительница плохо помнит услышанную когда-то «историю», называя ее «побасёнкой». Более того, она путается в обстоятельствах смерти отца — случайно сын убил его или специально, опоив «всякими травами». Но в любом случае пока это единственное свидетельство бытования сюжета АТУ/СУС 931, зафиксированное непосредственно в Восточном Забайкалье. И здесь необходимо обратить внимание, что Улятуй — бывшая казачья станица, и в 1920–1930 гг. улятуйские казаки с семьями тоже уходили в Китай, спасая

себя и жизни своих близких. Стоит добавить, что помнят улятуйцы и о китайцах, которые в поселках соседнего района, в Балее, мыли когда-то золото.

В приграничном районе Китая, на правом берегу реки Аргунь, который нередко называют Трехречьем, от этнических русских — Таисьи Николаевны Петуховой (1931–2016) и Анны Антоновны Михалёвой (1932–2012), от китайско-русских метисок во втором поколении — Нины Дементьевой (1934 г.р.) и Анны Дементьевой (1942 г.р.), двух родных сестер, мной были записаны не просто свидетельства о бытовании сюжета АТУ/СУС 931, а развернутые повествования, последовательно излагающие «произошедшие» события, с репликами персонажей и мотивировками их действий (отдельные тексты опубликованы, см.: [5, с. 288–294]). Необходимо подчеркнуть, что никто из исполнительниц не умеет читать и писать по-русски, как, впрочем, и по-китайски, что исключает их знакомство с изданиями, где публиковались тексты на данный сюжет.

Бытование сюжета об отцеубийце и кровосмесителе у русских Китая уникально уже тем, что за последние пятьдесят лет на всей территории проживания восточных славян он не фиксировался, хотя раньше, на рубеже XIX–XX вв., исследователи фольклора в европейской части Российской империи записывали его нередко. Правда, эпизоды с покаянием главного героя в приаргунских записях отсутствуют, как и во многих поздних по времени фиксациях устных восточнославянских сказках на данный сюжет. И это вполне закономерное явление, свидетельствующее о том, что в устном бытовании произошла беллетризация древнерусской религиозной легенды, превращение ее в сказку, в занимательный рассказ, в «историю» из жизни.

Приведем в качестве примера текст, записанный от Нины Дементьевой:

Они богачи были. Он старый, годами большой, а она молоденькая за него вышла. Но вот родила сына. А он глухой на ухо. У него работники всегда были. А он на ухо глухой.

Ну, она сына родила. Тоже нищий был. Пришёл к ним. Попросил ночевать. Они его пустили. Тоже как у нас изба тут. Она замучалась рожать. Этот нищий вышел и тут лег [на веранде]. Постелил что-то и лег.

Слышит, что прилетели два голубка и сели на окошки. Он слышит, какое они нарекли счастье этому ребёнку, сказали, какое счастье дать: «Ему до двадцати лет вырасти, он вырастит — родного отца убить, родную мать замуж взять».

А утром он им всё рассказал: «У вас сын родился. Я слышал, прилетели два голубка и сказали, дали ему век, какое счастье будет — родного отца убить, родную мать замуж взять».

«Ну, нам его не надо!» Но куда его? Задавить? Нет! Взяли кадушку. Кадушка небольшая. В кадушку. Ножиком они его порезали. (Всё равно живым будет. Они же бы его задушили там!) Отец взял его ножиком сюда пырнул. Ну, страх тоже! И в кадушке его опустили.

А раньше был монастырь. Всё там девушки да стары. Умываются утром и говорят: «Что за кадушка пльвёт? Ну-ка давай её поймаем!» Поймали, открыли, там — ребёнок, еще живой. Ножик у него. Но только родился. Наверное, говорят, девушка родила. Ну, его оттуда вытащили, ножик его, полечили. Лучше стало, вырастили.

Вырастили. Он там нагресил — его выгнали. Девушка одна в положении ушла, его выгнали. Выгнали. Он прошёл несколько посёлков. Ну, всё равно же ему нарекли как быть, так и было. Он сколько посёлков обошёл и дошёл сюда к ним, к матери.

Ну что, двадцать лет прошло. Отец на ухо глухой. Зашёл, попросился, ну, что — покушать. Покормили. Молодой парень. Он и говорит: «Я подражаю в работники». — «Ну, так что, дедушка, надо подрядить! Он же молодой, может работать!» — «Ну, хороший он парень, здоровый. Можно подрядить». Подрядили. Работал.

А потом хозяин поехал куда-то. Куда-то поехал, сказал, винтовку ему оставил: «Что ли три раза, три раза будет, два... (Раньше ворота ещё хорошие были...) Колотить... (Боялись, что воры да что) Три раз закричи, не откликнется, так ты из винтовки стреляй!»

Ну, он что, три раза спросил, три раза не откликнулся, он выстрелил и убил. Зашёл, хозяйке говорит: «Ну, вроде, что я убил кого-то». «Ну, ожидать надо утра». Ну что, утром пошли — хозяина убил.

Ну, хозяина похоронили, пожил. Ну что — она ещё не старая. А он — хороший работник. Поженились. А когда женились, потом в бане мылся он. Пришёл, что — жена с мужем: «Ну, ты мне спину-то вытри, я вспотел!»

Она вытирать когда стала: «А у тебя тут почему шрам-то?» Он давай рассказывать. Ему же там сказали: год, что, когда его поймали. А у ней тоже всё тут записано. А он рассказал, и она сразу отравилась, мать. «Что ты мой сын, правда всё!» Не стала: «Я не буду жить». Сразу отравилась эта мать. Вот. «Надо было его задавить, а мы егопустили». Но всё равно же ему нарекли, как на веку быть. Вот так вот. (Н. Дементьева, 1934 г.р., метиска. Запись В. Кляуса. ИМЛИ РАН, 2011 [11]. Повторная запись опубликована [5, с. 290–291]).

Эту «историю» Нина Дементьева слышала от своей бабушки, родом из Нерчинского Завода, современного районного центра в Восточном Забайкалье, находящегося в 11 км от российско-китайской границы.

При изучении истории бытования сюжета важны любые его упоминания, в том числе довольно краткие. В 2014 г. в Эньхэ на улице я встретил русскую женщину средних лет — Дарью Рыжакову. Расспрашивая ее о русских родственниках, об интересных историях, которые она помнит, услышал следующее:

Это раньше старухи всё рассказывали. Старик ходит, нищий. Ходит. Помировщик ходил. Зашёл к одним, говорит: «У тебя баба сына принесёт». Потом-ка, чёта конь ли каво ли, я забыла. Я вниманье не брала, не рассказывала. Конь отца убьёт, сын на матери женится. Я дальше не помню. Не помню-ка боле. Я не буду-ка рассказывать, не надо. Нельзя — грех. Дальше не помню. Много рассказывали. Конь убил его, отца-то. Сын вырос — мать замуж взял.

Данная запись — краткий и несколько искаженный пересказ сюжета АТУ/СУС 931. К этой «истории» рассказчица относилась очень недоверчиво и крайне отрицательно: *Это всё враль! Враль! Враль! Сын вырос, да мать взял. Врут! Это у русских где это бывало? Тут-ка русские в Попирае, в Шивыре, в Михайловке полно было. А где это было? Не! Я не верю!* (Д. Рыжакова, 1945 г.р., метиска. Запись В. Кляуса, Лян Чжэ. ИМЛИ РАН, 2014) [11].

Если сравнивать между собой все рассказы от исполнительниц из района в городском округе Эргуна, то обнаруживаются значитель-

ные расхождения в их сюжетике. Это позволяет сделать вывод, что перед нами три новых редакции сюжета АТУ/СУС 931. Но все они имели, скорее всего, один первоисточник. На это указывает целый ряд общих элементов, присутствующих в рассказах исполнительниц: использование бочки в качестве плавучего средства, с помощью которого младенца пускают по воде (ванна в двух вариантах рассказа Т.Н. Петуховой — это явно поздняя замена); монастырь как место, где ребенок воспитывается монашками (кроме рассказа Т.Н. Петуховой, но по ее «истории» вообще неясно, где и кто его выловил из реки); сын нанимается к родителям в работники; работник охраняет дом/двор; баня как место, где происходит узнавание матерью своего сына; сын убивает отца из винтовки (в рассказе А.А. Михалёвой орудие убийства не упоминается); родители ранят ребенка ножом, рассчитывая, что он истечет кровью (в одном из вариантов «побасенки» Т.Н. Петуховой просто говорится о какой-то «заметке» на его теле, которую сделали родители); мать, хотя и по-разному, но сразу умирает после того, как узнала о том, что у нее была греховная связь с сыном (Т.Н. Петухова после наводящего вопроса просто сказала, что мать не смогла дальше жить). Обращает на себя внимание также то, что все исполнительницы используют фразу, имеющую ключевое значение для «истории» и обладающую формульным характером: *Отца убил, а на матери женился; Он на мамке женится, отца убьёт* (Т.Н. Петухова); *Отца родного убить, а на матери жениться* (А.А. Михалёва); *Родного отца убить, родну мать замуж взять; Отца убить, мать родну в замуж взять* (Н. Дементьева); *Отца убить, на матери жениться* (М. Дементьева). Даже у Д.М. Рыжаковой: *Конь отца убьёт, сын на матери женится*. Эта фраза, скорее всего, также восходит к одному общему первоисточнику (подробнее см. об этом: [5, с. 242–287]).

Может ли этим первоисточником быть какой-то текст, близкий к тому, что слышал Кюхельбекер в 1836–1839 гг. в Баргузине? Согласно карте по прямой от Нерчинского Завода до Баргузина 700 км, что не так далеко по забайкальским меркам. Отметим — «Баргузинская сказка» и приаргунские «истории» совпадают в одной интересной тенденции: попытка исполнителей хоть как-то объяснить произошедшие события исходя из житейской логики. К примеру, и в «Баргузинской сказке», и в «истории» Нины Дементьевой говорится о том, что отец был мно-

го старше матери: этим объясняется возможность брака между сыном и еще относительно молодой матерью. Казалось бы, есть разница в том, что конкретно сторожит сын-работник: в «Баргузинской сказке» — огород, в «историях» на правом берегу Аргуни — дом. Но в обоих случаях — не сад, как в древнерусской повести или в сказках на данный сюжет из европейской части России. По природным условиям в Забайкалье не было садов, и в данном случае рассказчики опираются на свой житейский опыт. Видимо, этим объясняется и появление мотива мнимых похорон в «Баргузинской сказке», который является уникальным для данного сюжета: жизненный опыт рассказчика заставил объяснить окружающим исчезновение младенца.

Но все же при сопоставлении «Баргузинской сказки» с нашими записями обнаруживаются следующие существенные отличия:

— В «Баргузинской сказке» отец выносит ребенка в лес на съедение зверям. В записях от русских в Китае родители его отправляют по морю или реке в бочке/ванне.

— В «Баргузинской сказке» мать узнает героя по родимому пятну на груди. В приаргунских «историях» ребенка ранят ножом перед тем, как положить в ванну/бочку, и именно след от этой раны служит знаком для матери, по которому она узнает сына.

— В текстах из района на правобережье Аргуни работник караулит дом, в баргузинском — огород.

— В «Баргузинской сказке» есть мотив мнимых похорон ребенка. В приаргунских текстах он отсутствует.

Эти различия позволяют говорить о том, что эволюционной связи между записанными в районе на правом Аргуни «историями» и «Баргузинской сказкой» нет, у них разные первоисточники. Вообще же, «Баргузинская сказка» в значительной степени отличается от всех нам известных устных записей восточнославянских повествований на сюжет АТУ/СУС 931. Пока невозможно с ней сопоставить какой-либо текст и сказать, что они эволюционно связаны между собой.

Сравнение текстов с китайского правобережья Аргуни с устными сказками, записанными на европейской территории бывшей Российской империи, показывает, что эти тексты наиболее близки к тем, которые в XIX — начале XX вв. бытовали на русско-украинском, русско-белорус-

ском этническом пограничье — современные Смоленская область России, Полтавская и Днепропетровская области Украины (подробнее см. об этом [5, с. 269–281]. Известно, что выходцев с малорусских земель в начале XX в. довольно много работало на забайкальских приисках, некоторые из них затем оказались и в Китае. Сюжет о кровосмесителе и отцеубийце находится в целом ряду примеров влияния украинской фольклорной традиции на устную словесность современных китайских русских [6].

Самое интересное то, что длительное устное бытование «истории» (первоначально, видимо, в Забайкалье, а затем уже и в китайском Трехречье) способствовало развитию ее сюжета. От одной исполнительниц района на правом берегу реки Аргунь мы узнаем, что, оказывается, от греховной связи сына и матери родилась дочь, и потом, когда она выросла, между братом-отцом и сестрой-дочерью возникает новая любовная связь. Такое продолжение сюжета было только у Анны Антоновны Михалёвой:

У них ребёнок был. <...> А эта девчоночка-то выросла. Она выросла эта девушка, да потом повстречалась с отцом этим где-то там. Не знаю где, на вечерки ли где ли повстречалась. Вот кровь-то их притянула. Они повстречались и сошлись. Он её полюбил, что эта девчонка шибко хороша: «Я её обязательно буду сватать!» Сватать начал её. Вот, посватал, вот взял её замуж. А потом узнали они. Потом он как-то узнал. Не знаю уж как. Она ему сказала ли уж как, эта девка. Он потом сам себя кого-то сделал, прекратил. И девку эту. Оба умерли. И на кресте написано там: «Во-первых, он — брат. Во-вторых, он — отец. В-третьих, он — муж». Вот. Прекратили сами себя (А.А. Михалёва, 1932 г.р., русская. Запись В. Кляуса. ИМЛИ РАН, 2009) [11].

Мы можем лишь указать, что в одной украинской сказке также присутствует мотив рождения дочери от брака матери и сына, но без каких-либо подробностей [12, с. 12–15].

Интересно, что в 2018 г. в городе Эргуна от Антонины Андреевой был записан рассказ о случае, который якобы произошел во Внутренней Монголии:

Отец умер. А сын потом с матерью жил. С матерью жил, потом, у него ребёнок родился. Это от матери, сын. А потом люди узнали, что он от них. Они ему не говорили. <...> Этот ребёнок потом в солдаты ушёл, в солдатах был. В солдатах был, назад потом приехал. <...> А люди тут уж все знают: «Во, говорят, мать-то с кем живёт, с сыном. У него сын родился, это уж от неё». <...> Он потом взял, видно, винтовка же всё есть. Послушал, люди-то говорят, не браво же ему: «Мать, смотри, с сыном живёт. Ещё ребёнок. Как? То ли бабушкой звать, то ли отцам звать? Как звать?» Они то говорят, другое говорят. Он потом взял всех этих, и мать расстрелял и сам потом застрелился (А. Андреева, 1944 г.р., метиска. Запись В. Кляуса. ИМЛИ РАН, 2018) [11].

Антонина Андреева, китайско-русская метиска в первом поколении, услышала об этом от своей соседки «китаюшки» в поселке Шанкули. В «русские времена» (1920–1950) он носил название Верх-Кули, и две исполнительницы — Анна Антоновна Михалёва и Таисья Николаевна Петухова — в молодости там некоторое время жили.

При всех различиях между «русскими» и приведенным выше «китайским» рассказом об инцестуальном браке сына с матерью, главное из которых состоит в том, что в первом ребенок — девочка, во втором — мальчик, есть основание предположить, что уникальное завершение сюжета АТУ/СУС 931 Анны Антоновны и история, услышанная от «китаюшки», связаны между собой. И скорее всего, последняя эволюционно восходит к русскому повествованию, а не наоборот.

Длительное бытование «истории» в Трехречье, где она дожила до начала XXI в., способствовало размышлениям в народной среде о возможных последствиях инцестуальных отношений сына и матери. Контекстом этих размышлений в определенной степени была поэтика жестоких романсов, с их мелодраматической патетикой, получивших широкое распространение в XX в. и очень популярных у русских трехреченцев до наших дней. Появление ребенка в инцестуальном браке сына и матери встречается уже в трагедии Софокла: древнегреческий царь Фив Эдип также имел в браке со своей матерью Иокастой детей (и сыновей, и дочерей). Но злключения приаргунского «Эдипа», о которых рассказала исполнительница в начале XXI столетий, превзошли те, которые пережил главный

герой древнегреческой трагедии. В отличие от древнегреческого Эдипа, он вступает еще и в инцестуальную связь и со своей дочерью-сестрой, а затем убивает ее и себя.

Конечно, возникает вопрос — почему эта «история» была настолько популярна среди русских района на правом берегу реки Аргунь? В какой-то степени это можно объяснить простым человеческим интересом к тому, до какой степени падения в своих преступлениях может опуститься человек, здесь как бы продолжается тенденция, заложенная еще древнерусской повестью, в которой одно за другим нагромождались преступления. При этом все без исключения исполнительницы отрицательно относились к произошедшему, обвиняя родителей: *А они бы его в речку не спустили, он почему не знал бы своих отца и мать? Вот. Это нам бабушка рассказывала. Вот, говорит, какой народ был дурачный! Ничего не понимали! Дураки были! А они бы его вырастили, он почему не знал бы папку и мамку своих?* (Т.Н. Петухова, 1931 г.р., русская. Запись В. Кляуса. ИМЛИ РАН, 2007) [11]. В варианте Таисьи Николаевны предсказание, как и в «Баргузинской сказке», услышанной Кюхельбекером, делает ворожейка. По мнению Таисьи Николаевны, она также виновата в произошедшем: *Это же вот эта ворожейка, она бы так им не сворожила, они где бы стали своего сына выбрасывать? Почему бы он не знал свою маму, свою папу? Она их навернула! И вот он отца убил, на матери женился.*

Но главное все же в другом — и в устных «историях» жителей китайского Приаргуны, и в древнерусской повести, и в древнегреческом мифе основная идея повествования заключается в неотвратимости человеческой судьбы.

Анонимный древнерусский автор «Повести об Андрее Критском», используя архаичную, идущую еще со времен Античности идею о предопределенности человеческой судьбы, создал совершенно новое по своему замыслу произведение — личные деяния человека, а именно его покаяние перед Господом, может изменить судьбу в ином мире после его смерти: любой грешник (а безгрешных людей не бывает) может отмолить свои грехи, искренне раскаявшись, и обрести блаженство, попав в Рай, став святым и образцом для подражания в осознании своей вины. Понятно, что христианская идея древнерусской «Повести», которая была написана православным автором на Руси не ранее XVI в., перейдя в устную, беллетристическую

форму бытования, к XXI в. практически перестала быть актуальной. Но при этом языческая в своей основе первоначальная идея о предопределении земной судьбы человека еще при его рождении только усилилась, как она и была в древнегреческом мифе.

Примером языческой идеи предначертанности человеческой судьбы, неотвратимости предсказания в русской литературной традиции является предание о смерти князя Олега от своего коня, которое известно по древнерусской летописи «Повесть временных лет», памятника начала XII в.

Древнерусскому князю Олегу, жившему еще в языческие времена, волхв предсказал судьбу, точнее — причину смерти: «Спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: “От чего я умру?” И сказал ему один кудесник: “Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть!”» [8, год 6420 (912)].

В «Повести временных лет», в погодной записи за 6420 год от сотворения мира, пересказывается предание о смерти князя Олега, вероятно, имеющее устное происхождение. Как известно, его сюжет был использован А.С. Пушкиным в знаменитой балладе «Песнь о вещем Олеге».

Древнерусское предание о смерти князя Олега от своего коня я здесь упоминаю не только как еще один пример проявления в русском фольклоре и в русской литературе архаичной языческой идеи о предопределенности человеческой судьбы. Возвращаясь к записи «истории» о кровосмесителе, сделанной от Дарьи Рыжаковой, напомним, что исполнительница говорила о коне: *Потом-ка, чёта конь ли каво ли, я забыла. Я вниманье не брала, не рассказывала. Конь отца убьёт, сын на матери женится* (см. выше).

Согласно ее варианту, старик-нищий предсказал инцест матери и сына, но смерть отца — от коня. Был ли известен исполнительнице пушкинский текст, мы абсолютно точно сказать не можем. Прочитать сама она его не могла, так как по-русски ни читать, ни писать не умеет. Но, вероятно, какие-то отголоски пересказов этого сюжета слышала. Во всяком случае первые несколько строф текста баллады Пушкина еще до революции 1917 г. пели как солдатскую песню со строевым припевом, позже она стала неофициальным гимном Белой армии, и, возможно, его распевали и русские казаки Трехречья, хотя никаких свидетельств этого у нас нет.

Гипотетически здесь пока можно сказать только одно: в русском сознании мотив смерти от коня благодаря «Повести временных лет» и балладе А.С. Пушкина прочно связан с идеей неотвратимости человеческой судьбы, определенной высшими силами. Возможно, поэтому он был естественным образом использован исполнительницей, когда она уже почти забыла «историю» об отцеубийце и кровосмесителе.

Архаичный сюжет об отцеубийце и кровосмесителе благодаря Софоклу становится фактом древнегреческой литературы. Сюжет имеет международный характер и широко распространен в средневековой европейской литературе и фольклоре. В эпоху позднего восточнославянского средневековья данный сюжет был положен в основу анонимной древнерусской повести XVI в., которая стала источником для большого числа устных повествований, распространившихся и бытовавших в XIX–XX вв. среди украинцев, белорусов и русских.

Уже в первой половине XIX столетия «сказка» об отцеубийце и кровосмесителе была известна русским в Забайкалье. В этот приграничный российско-китайский регион переселялись жители из самых разных регионов России в течение XVIII — начала XX вв., и, судя по всему, сюжет данной «истории» именно в устной форме попадал в Забайкалье не один раз и с разными волнами переселенцев. Последняя из дореволюционных волн была связана с открытием и освоением золотых приисков, на которых довольно много работало выходцев с Украины, где сюжет об отцеубийце и кровосмесителе имел наиболее широкое распространение в фольклоре. Вероятнее всего, именно они и принесли сюжет в своем фольклорном багаже в Забайкалье, откуда он уже исключительно в устной форме попал в Китай — на правый берег реки Аргунь. Приисковые рабочие были одними из тех, кто оказался здесь после революции 1917 г. и Гражданской войны. На забайкальских приисках с начала XX в. работало и много китайцев, вследствие чего появилось немало русско-китайских семей, часть из которых в 1920–1930 гг. также перебралась на правый берег реки Аргунь. И уже здесь благодаря этническим русским, оказавшимся в особых условиях, способствующих сохранению их фольклора, устные повествования об отцеубийце и кровосмесителе дожили до начала XXI столетия. Если бы в устной словесности этнических русских китайского Приаргунья их не сохранилось, то мы фактически ни-

когда не узнали бы, что эти «истории» когда-то бытовали и в Восточном Забайкалье.

Культура этнических русских китайского правобережья Аргуни несколько десятилетий имела устный характер, их традиционное сообщество по праву можно отнести к «устным цивилизациям», но это не значит, что она была примитивной и люди не стремились к осмыслению человеческого бытия. Рассказы об отцеубийце и кровосмесителе — один из примеров такого народного осмысления. Литературный по происхождению сюжет, появившийся в устной словесности восточных славян из древнерусской «Повести об Андрее Критском», внес в эти размышления особый оттенок, предельно подчеркивая веру в предопределенность высшими силами судьбы человека.

Список литературы

- 1 Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://www2.rshu.ru/section.html?id=1518> (дата обращения: 01.01.2020).
- 2 *Архипова А.В.* «Баргузинская сказка» В.К. Кюхельбекера // Литературное наследство декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 285–290.
- 3 *Климова М.Н.* Повесть о Андрее Критском // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. С. 211–214.
- 4 *Климова М.Н.* «Эдипов сюжет» в древнерусской литературе (повести о кровосмесителе) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 22–34.
- 5 *Кляус В.Л.* «Русское Трёхречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН. 2015. 384 с.
- 6 *Кляус В.Л.* Украинский фольклор у китайских русских Маньчжурии // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 206–220.
- 7 *Кюхельбекер В.К.* Ижорский // *Кюхельбекер В.К.* Соч.: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1939. Т. 2: Драматические произведения. 492 с.
- 8 Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 01.01.2020).
- 9 *Пронн В.Я.* Эдип в свете фольклора // *Пронн В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 258–299.
- 10 Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / под ред. Л.Г. Барага. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1979. 437 с. (СУС)
- 11 Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. URL: http://imli.ru/index.php/otdel-folklor/1524-folklor_naya_kollektsiya (дата обращения: 01.01.2020).
- 12 Матеріяли до української етнології. Львів: Друкарня Наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка, 1909. Т. II. Вип. Ч. 2. 139 с.
- 13 *Uther H.-J.* The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts I–III. Helsinki: Suomal. tiedeakat., 2004. 619 с.

References

- 1 *Arkhiv polevykh issledovaniy Uchebno-nauchnogo tsentra sotsial'nykh antropologii Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Archive of the field studies of the Educational and Scientific Center for Social Anthropologies of the Russian State University for the Humanities]. Available at: <http://www2.rshu.ru/section.html?id=1518> (Accessed 01 January 2020). (In Russ.)

- 2 Arkhipova A.V. "Barguzinskaia skazka" V.K. Kiukhel'bekera [*The Barguzin Fairy Tale* by V. K. Küchelbecker]. In: *Literaturnoe nasledstvo dekabristov* [Literary heritage of the Decembrists]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 285–290. (In Russ.)
- 3 Klimova M.N. Povest' o Andree Kritskom [The Tale of Andrew of Crete]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of Scribes and Books of the Old Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, issue 2, part 2, ed. D.S. Likhachev, pp. 211–214. (In Russ.)
- 4 Klimova M.N. "Edipov siuzhet" v drevnerusskoi literature (povesti o krovosmesitele) ["Oedipus plot" in Old Russian literature (the story of the incest)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2008, no 3, pp. 22–34. (In Russ.)
- 5 Klyaus V.L. "Russkoe Trekhrech'e" Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury ["Russian Three Rivers" of Manchuria: Essays on folklore and traditional culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
- 6 Kliaus V.L. Ukrainskii fol'klor u kitaiskikh russkikh Man'chzhurii [Ukrainian folklore by Chinese Russians Manchuria]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2018, vol. 19, no 5, pp. 206–220. (In Russ.)
- 7 Kiukhel'beker V.K. Izhorskii [Izhorsky]. In: Kiukhel'beker V.K. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1939. Vol. 2: Dramaticheskie proizvedeniia [Dramas]. 492 p. (In Russ.)
- 8 *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years], edition prepared, transl. and comm. by O.V. Tvorogov. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869> (Accessed 01 January 2020). (In Russ. and Old Russ.)
- 9 Propp V.Ia. Edip v svete fol'klora [Oedipus in the light of folklore]. In: Propp V.Ia. *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 258–299. (In Russ.)
- 10 *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka* [Comparative plot guide. East Slavic Tale], ed. L.G. Baraga. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (SUS) (In Russ.)
- 11 *Fol'klornaia kolleksiia Instituta mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN* [The Folklore collection at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <http://imli.ru/index.php/otdel-folklor/1524-folklor-naya-kollektsiya> (Accessed 01 January 2020). (In Russ.)
- 12 *Materiiali do ukrains'koï etnol'ogii* [Materials on Ukrainian Ethnology]. Lvov, Drukarnia Naukovogo tovarystva im. T.G. Shevchenka Publ., 1909. Vol. 11, issue 2. 139 p. (In Ukrainian)
- 13 Uther H.-J. *The types of international folktales. A classification and bibliography.* Parts I–III. Helsinki, Suomal. tiedekat., 2004. 619 p. (In English)